

ТЕНЬ НА ЯСНЫЙ ДЕНЬ

Иногда на железнодорожном переезде, что в Поределкине, наблюдаю необычную и весьма странную картину. Когда опущен шлагбаум в ожидании поезда, то даже шестисотые «мерседесы» останавливаются. Тут же из автомобиля сопровождаемая выскакивают охранники и становятся у дверей машины хозяина. Это телохранители. По крайней мере, именно так их называют сегодня.

Полвека назад они именовались иначе. Официально - «офицеры МГБ», но те, кого они охраняли, называли их «духами». Мол, должны быть невидимыми и неслышимыми, но рядом присутствовать всегда...

В свое время, 26 марта 1949 года, И.В. Сталин подписал очередное постановление, касающееся Атомного проекта. В нем, в частности, говорилось:

«1. Поручить Министерству государственной безопасности СССР (т. Абакумову):

а) организовать оперативно-чекистское обслуживание, а также охрану сотрудниками МГБ СССР академика Алиханяна А.И., академика Семенова Н.Н. и членкорреспондента Александрова А.П.

Установить штат сотрудников МГБ СССР по охране и оперативно-чекистскому обслуживанию указанных научных работников в 9 человек (по 3 сотрудника МГБ СССР на каждого)».

Документ весьма любопытен. Из него ясно, что для каждого «духа» из МГБ рабочий день должен быть не более 8 часов - охрана ведь должна быть круглосуточной! И еще: оказывается, трудовое законодательство нарушалось уже несколько лет, так как у Курчатова, Харитона, Киоина и Арцимовича было всего по два охранника. Этим же постановлением предусматривалось исправить ошибку - теперь у них было по три «духа».

Кстати, придуманное, кажется, Игорем Васильевичем Курчатовым название сотрудников МГБ их не оби-

жало, потому что они отвечали не только за жизнь своих подопечных, но и за их «духовное состояние». Именно это имело в виду, когда они обеспечивали «оперативно-чекистское обслуживание».

В 50-е годы «духи» исчезали постепенно: ученые отказывались от них. Однако некоторые чекисты настолько тесно «срослись» со своими шефами, что оставались у них референтами и помощниками после того, как охрана была официально отменена.

«Духи» у академика А.П. Александрова появились в 1948 году. Днем и ночью его охраняли по очереди старший лейтенант, капитан или майор НКВД. Они всегда были рядом, и оттого Анатолий Петрович чувствовал себя уютно. В свободное время он привык общаться с друзьями, ездить на охоту и рыбалку, организовывать шашлычки, просто расслабляться. Однако теперь все стало иначе: «духи» писали свои отчеты о каждой встрече, а потому каждый из друзей попадал под бдительное око органов.

Да и сам А.П. стал намного осторожнее. Своим близким он постоянно напоминал, что дом прослушивается, а потому никаких «политических» разговоров вести не следует. Спустило много лет, когда, казалось бы, сталинские времена остались в далеком прошлом, Александров позволял себе откровенничать лишь где-то в лесу, на берегу реки, вдали от всех. Даже с сыном делился своими воспоминаниями за пределами дома.

К «духам» он так и не смог привыкнуть за те десять лет, что они были рядом... В отличие, к примеру, от Курчатова, который по-прежнему вел себя так, будто их не было вовсе. Однажды в жаркий день на полигоне он пригласил своих коллег на заплыв по реке. Многие тут же составили ему компанию, однако вскоре отстали от Игоря Васильевича, так как он превосходно плавал. Курчатова плыл по реке, а остальные шли по берегу. В

том числе и «духи», которые обязаны были быть рядом со своим шефом. После этого случая Игорь Васильевич называл их слабаками. Это единственное, о чем «духи» не доложили своему начальству.

А история одного из «духов» академика Н.Н. Семенова поистине уникальна: ему суждено было отправиться в Стокгольм на вручение Нобелевской премии шефу! К стати, вместо дочери ученого.

Церемония вручения премии, как обычно, была назначена на 10 декабря 1956 года. Из рассказа дочери академика Н.Н. Семенова: «После присуждения Нобелевской премии зашел, конечно, разговор, кто будет сопровождать папу. Папа сказал, что, кроме мамы, он может взять с собой одного из детей. Кроме меня был еще старший брат, старше на три года. Я тогда училась в Гнесинском музыкальном институте. Понимая, что о двух речи быть не может, папа выбрал меня. Я окрылилась... В Швецию было направлено сообщение, что с папой приедут жена и дочь.

И вдруг вечером приходит папа и сообщает, что ему не посоветовали брать меня с собой. Опустошенность почувствовала страшную. Подумала про себя, как же папа не сумел уговорить кого надо. Объяснять ничего не стал. Может, ему что и сказали, но мне ничего не говорил...»

А что мог сказать Николай Николаевич дочери?! Он попытался через МИД, через президиум Академии наук убедить высшее руководство страны, что в Стокгольм надо ехать всей семьей и с друзьями, - мол, так принято в цивилизованном мире. Но хотя шел уже 56-й год, наступала «оттепель», тем не менее никто не смел покушаться на законы ведомства Берия. Сам шеф «секретной империи» был расстрелян три года назад, однако ведомство его властвовало в стране. И первому советскому лауреату Нобелевской премии недвусмысленно намекали, что если он будет слишком настойчив в своих требованиях, то и сам не поедет в Стокгольм - все-таки он один из участников Атомного проекта. А вдруг он останется за границей навсегда?! Нет, пусть уж дочь и сын останутся в Москве заложниками...

Семенов вынужден был смириться.

Из воспоминаний дочери:

«Мама с папой поехали не одни. Их сопровождали старый друг папы, один из первых его учеников по Ленинградскому физико-техническому институту, академик Кондратьев, и Павел Семенович Костиков, считавшийся секретарем папы, а на самом деле бывший его охранником: тогда такие секретари были у всех академиков, занимавшихся секретными работами. Что касается меня, то на любые мероприятия родители получали три приглашения, то есть включая меня. В нашем нобелевском альбоме есть фотография, снятая в Концерт-холле во время церемонии вручения премий. На ней мама сидит в одном ряду с семьями других нобелевских лауреатов, а слева от нее видно пустующее кресло. Место это предназначалось для меня. Версию же, которую родители излагали при вопросах, заключалась в том, что дочь училась в музыкальном институте, а там как раз в декабре идут экзамены...»

Николай Николаевич Семенов не любил рассказывать об этой истории. Ему было стыдно за унижения, которые пришлось испытать ему и близким в самый счастливый год его жизни.

Тяжелее всего было академику Зельдовичу. Вот уж кому «духи» мешали в личной жизни! Как известно, Яков Борисович любил и умел ухаживать за женщинами. Обычно это делается без свидетелей, но «духи» сопровождали академика всегда и везде, а потому он проявлял чудеса изобретательности, чтобы избавиться от них хотя бы на время. И весьма часто это ему удавалось. Немало легенд и анекдотов сложили коллеги по этому поводу. Зельдович слушал эти рассказы о себе с удовольствием, хохотал от души, но никогда не подтверждал, как и не опровергал их!

...Сейчас «духи» ученым не нужны, но выяснилось, что в них нуждаются те, кто руководит компаниями, банками и прочими учреждениями, где «делаются деньги». Неужели именно так возвращается к нам прошлое?!

Владимир ГУБАРЕВ

Семьдесят лет назад на площади Дзержинского в Москве был выставлен для обозрения самолет СССР-Н-127. На этой одномоторной машине авиаконструктора Поликарпова советские летчики совершили первый разведывательный высокоширотный полет. Целью экспедиции, начавшейся летом 1936 года, была подготовка к организации станции «Северный полюс-1».

ТАЙНЫ, ОХРАНЕННЫЕ ЛЬДАМИ К 70-летию папанинской экспедиции

по дирижаблю «Норге»: «Глядя вниз из кабины, нам казалось, что мы находимся над дикой областью, покрытой снегом, где какие-то великаны боролись со льдинами. И мы были уверены, что на борту корабля даже наиболее склонные к приключениям люди были счастливы, что летят, а не принуждены форсировать этот путь, борясь с ледяными баррикадами».

Задач было много. Проверить средства радионавигации - работают ли магнитные компасы в высоких широтах. Посмотреть, есть ли подходящие, надежные льдины для лагеря. А летели они по маршруту Москва - Архангельск - Нарьян-Мар - Амдерма - пролив Маточкин Шар и мыс Желания на Новой Земле - бухта Тихая на острове Гукера - остров Рудольфа. Даже по нынешним временам, а с сегодняшней техникой - перелет сверхсложный.

- До Тихой, где располагалась полярная станция, добирались две недели, - отметил Валентин Иванович, - но по тем годам и то хорошо. Как бы ни пуржило, как бы ни накрывало нас облаками, мы одной машиной достигли восьмидесяти третьего градуса северной широты. А базу выбрали на острове Рудольфа, куда должны были пробыть со всем необходимым для папанинцев ледокольные пароходы «Герцен» и «Русанов».

Кстати, на Рудольфе, когда Аккуратов с известным советским летчиком Ильей Мазуруком обеспечивали безопасность дрейфа папанинцев, мой собеседник нашел в дирижабле «Норге» в неведомую Арктику: забудьте об этом. Мы придремывались иной точки зрения, и по Ледовитому океану первыми пробежали наши самолеты.

А вот что писал один из спутников великого норвежца и итальянца

Была выдвинута смелая по тому времени идея: забросить полярников к Северному полюсу и в условиях длительного пребывания их на дрейфующей льдине исследовать поведение Ледовитого океана, проверить возможность обитания человека в экстремальных условиях.

Советские люди видели Арктику частью своего дома, но каждый рейд, поход, полет в ее глубины требовал самой тщательной подготовки. И поэтому, когда О.Ю. Шмидт доложил правительству об экспедиции И.Д. Папанина, ему ответили: необходима воздушная разведка высокоширотных районов, проверить все. Все - это значило палатки, печь, нарты, продовольственный рацион, одежду, техническое обеспечение. И еще предстоял выбор базового лагеря, откуда можно было бы всегда оказать помощь исследователям.

- В неведомую дорогу уходили на двух самолетах, - вспоминал в беседе со мной известный полярный авиатор, заслуженный штурман СССР В.И. Аккуратов. - Первый вел М.В. Водопьянов, он же и командир звена. Второй - В.М. Махот-

кин. Бортмеханиками были Ф. Басейн, Л. Ивашина, а радистом С. Иванов. Навигатором - Я.

Увидишь те самолеты на фотографиях - сердце сжимается: открытым, легким машинам надлежало пройти чуть ли не до самого полюса. Переоборудовали их, как могли, насколько позволяла конструкция, утеплили. Чтобы четко выделялись они на белом фоне, разрисовали в красно-зеленые цвета. Пришлось, как ни крути - самолет-то транспортный! - повесить наружу запасные винты, нарты, лыжи...

- Цыганский табор, да и только! - говорил Аккуратов. - Полетели. В Архангельске самолеты «переобули» - заменили колеса на лыжи. Многие зарубежные авиаторы посещали до нас высокие широты, и все были едины во мнении: посадка на дрейфующий лед невозможна. Особенно категорично высказывались Амундсен и Нобиле, проникшие на дирижабле «Норге» в неведомую Арктику: забудьте об этом. Мы придремывались иной точки зрения, и по Ледовитому океану первыми пробежали наши самолеты.

из-под льда. Весло. Плитка прекрасно сохранившегося шоколада. Два почтовых конверта с той же пометкой: «Полярная экспедиция Циглера». Табак для трубки в металлической коробке, который вплоть до своих последних дней, несколько десятилетий подряд курил в ночь под Новый год легендарный Аккуратов.

- А это что за флакон? - спросил я его, держа ампулу с прозрачной жидкостью.

- Видишь, игла - хирургическая, шелковая нить. Очевидно, в спирте. А вот, посмотри, список участников экспедиции на гербовом

даром двукрылую машину выставили на площади Дзержинского в 1936 году. С радиомаяком, установленным на мысе Желания, который предназначался в «поводыри» самолетам, ничего не вышло - применяли астрономические компасы. Однажды в облаках потерялся Водопьянов. Он едва дотянул (это стало известно после) до незнакомого острова на Земле Франца-Иосифа, где и сел. Ждали его на мысе Желания пять дней.

- Были приключения и посерьезнее, - делился Валентин Иванович. - Идем с ЗФИ домой, Шмидт торопит с возвращением - экспедиция на контроле у Сталина. И вдруг - а мы всего-то оторвались от берега километров на сто пятьдесят - от хвоста машины Водопьянова повалил черный дым. Самолет резко развернулся, чтобы дотянуть до бухты Тихой. Мотор стрелял, чихал, но ребята все-таки

бланке, где названы поименно полувившие ром.

И еще одна находка - блокнот, в котором масса всевозможных значков, ничего не значащих для несведущего: сердце, крест, обозначения игральных карт - тref, бубен, пик...

- Этими знаками помечали бочки, ящики, мешки, где хранили разную снедь, снаряжение. Последнее: фотография могилы участника экспедиции Сигурда Майера. Самой северной могилы на земле.

- Готов, - говорил незадолго до своей смерти Аккуратов, - если это заинтересует американцев, передать все вещи им. Знаю, как дорога любая арктическая реликвия: ведь каждая дорога к полюсу в прошлом - величайший подвиг.

Русские всегда были в авангарде освоителей Арктики, хотя и клали головы на пути к неведомому. Вспомним Седова, Брусилова, Русанова... Нелегко дались и те полеты на самолетах Поликарпова - не-

сели. Махоткин плюхнулся на лед следом, и тут в какую-то колдобину провалилась одна лыжа. Машина перевернулась, людей выбросило в снег. У Водопьянова разрушен коленчатый вал двигателя, второй самолет развалился вовсе.

Что делать? И авиаторы 48 часов кряду собирают из двух самолетов один. Махоткин и Ивашина остаются на полярной станции, дожидаясь пароходов, а остальные летят в Москву. Задание правительства выполнено.

...Приближался 1937 год. Героическая эпопея папанинцев скоро заполнит страницы всех газет мира. А москвичи шли на площадь Дзержинского, чтобы взглянуть на самолет, который был разведчиком одной из самых знаменитых полярных экспедиций.

Владимир ЧЕРТКОВ,
почетный полярник СССР
Фото из архива моего друга
Валентина Ивановича
АККУРАТОВА